

· Оглавление ·

Глава 1	9
Глава 2	66
Глава 3	112
Глава 4	144
Глава 5	166
Глава 6	195
Глава 7	220
Глава 8	240
Глава 9	258
Глава 10	279
Глава 11	307
Глава 12	333
Глава 13	382
Глава 14	394
Глава 15	424
Благодарность	444

**Бей в колокол, покуда гулок он,
И не ищи в нем совершенства.
Везде есть трещины, таков закон –
Для освещенья лучше и нет средства.**

ЛЕОНАРД КОЭН. «ГИМН»

Глава 1

В декабре, когда валит снег, маленькие светящиеся шарики зажигаются вдоль трассы 110, с той стороны дороги, где внезапно начинается уклон, чего никак не может ожидать водитель. Это горят свечки, вставленные в бумажные пакетики, присыпанные песком. Свет этот можно увидеть далеко за полночь.

По идее, они не должны гореть так долго, но в этом отчасти и заключается чудо. Во вторую годовщину со дня аварии мальчишки украдкой выглядывают из окон, а в два часа ночи выходят на улицу, чтобы посмотреть, не едет ли Диана Бойд, мать Хелен, и не ставит ли новую свечку на место лужицы растаявшего воска. Они хотят увидеть воочию, как происходит это надвувательство, и развенчать миф о волшебстве, но, понаблюдав какое-то время, мальчишки разбегаются по домам и потом долго не могут заснуть, размышляя о том, как много всего на свете нельзя понять и объяснить.

Светящиеся шарики делают ученики средней школы, в старшем классе которой училась Хелен, пока с ней не случилось несчастье. Даже те, кто не был знаком с девушкой, сидят целый день в кафетерии, наполняя бумажные пакетики. В первую годовщину учитель рисования заказал специальный песок в Аризоне — он создавал красноватое мерцание, но в этот раз песок безупречно белый, его обычно возят с гравийного карьера Хейварда. Когда его просеивают сквозь пальцы, кажется, что это крошечные алмазы.

Многие старшеклассницы в ночь годовщины аварии запираются в спальнях и, преисполненные скорби, шепчут молитвы, погружая пальцы в светящийся песок. Каждая из них благодарит судьбу, что не оказалась на месте Хелен, хотя та была красавицей и поступала всегда так, как хотела. Все мальчишки в классе хотели дружить с ней, а девчонки мечтали быть похожими на Хелен. Но все это было в прошлом.

Теперь даже изгои — толстые, непривлекательные, печальные, одинокие, всеми забытые — благодарны судьбе, хотя бы в этот вечер, за то, что они такие как есть. Даже самые эгоистичные девочки, никогда не упускающие возможности унижить менее привлекательного и популярного одноклассника, предлагают помочь собрать использованные бумажные пакетики по дороге

в школу утром после дня памяти. Воск еще не успевает остыть, фитили еще дымятся. Иногда и свечка горит, словно зажженная совсем недавно. Тогда девочки собираются вокруг нее в благоговении, испытывая чувство солидарности, забыв о неприязни. Они закрывают глаза и загадывают желание, каждый раз одно и то же: *«Пусть это никогда не случится со мной»*.

* * *

Шелби Ричмонд — единственная, кто никогда не бывала вовлечена в мероприятия, связанные с этой трагедией, — будь то собрание, посвященное безопасному вождению, церемония зажигания свечей на углу Главной улицы и трассы 110 или молитва в доме Бойдов в канун несчастья. Впрочем, она уже не школьница, поскольку закончила учебу тогда же, когда и Хелен Бойд, — администрация школы пожалела Шелби, вручив ей аттестат зрелости сразу же после выписки из больницы. Сью, мать Шелби, подарила ей золотые часы, которые дочь так ни разу и не надела. Девушке не нужны были подарки, ей вообще не нужно было ничего красивого, и, уж конечно, ее не волновало время, которое показывали часы. Шелби не поступила в колледж, как они с Хелен планировали. Девушка была близкой подругой Хелен, но Бойд ценила

ее вовсе не за красоту, хотя Шелби была совсем не дурна, а за ум: Шелби часто делала уроки за них обеих.

Теперь же время для Шелби словно остановилось. Подруги подали документы в Нью-Йоркский университет и были приняты, но, увы, для Хелен слишком поздно и, как оказалось, для Шелби тоже. Родители Шелби даже оплатили обучение в первом семестре, но она не поехала туда ни в назначенный срок, ни на следующий день. Чемоданы Шелби стояли в прихожей, пока ее родители не потеряли всякую надежду. Они долго ждали, надеясь, что дочь образумится и поедет учиться, а теперь и деньги пропали.

После того как случилась трагедия, Шелби перестала заниматься своей жизнью. Минуло два года, но для нее как будто прошло всего лишь мгновение с того дня, когда она попала в автокатастрофу. Все после никакого значения уже не имело. Часы и дни воспринимались в ее сознании как отдельные вспышки: палата интенсивной терапии; вот ее отправляют домой, зашив раны и объявив выздоровевшей; миг, когда она порезала себе вены на запястьях; тот серый, словно затянутый дымкой день, когда ее закрыли в палате психиатрической клиники; звук открывающейся двери, когда мать забрала ее оттуда.

Шелби часто вспоминает ту ночь, когда закрывает глаза. Тогда между девочками вышел спор: Шелби не хотела никуда ехать, а Хелен рвалась из дома. Конечно же, Хелен настояла на своем — Шелби всегда ей уступала. Если бы она тогда отказала подруге, то Хелен легко нашла бы ей замену. Шелби никому не рассказывала правду о той ночи, чтобы люди не подумали, будто она ищет себе оправдание. Хелен действительно бы не потерпела отказа. Она была так раздосадована, когда Шелби промедлила с ответом, что сняла с руки браслет, который всегда носила, — такой же, как у подруги, с амулетом в виде эмалированной бабочки, только у Хелен бабочка была белая, а у Шелби — черная.

Хелен была лидером, яркой личностью, а не только очаровательной девушкой. В отличие от Шелби, Хелен всегда знала, чего хочет. Так случилось, что, когда они выходили из дома, Хелен забыла надеть обратно браслет, а Шелби потеряла свой при аварии. Должно быть, порвалась цепочка, когда Шелби лежала на промерзшей земле, хватая ртом воздух, истекая кровью, пока свитер и джинсы насквозь не пропитались. Шелби возвращалась после аварии на это место, чтобы поискать амулет, но в высокой сорной траве у дороги не было ничего, кроме разбитого стекла, бросающего синие блики на ярком солнце.

Иногда, когда Шелби быстро поворачивает голову, она чувствует: Хелен здесь, где-то рядом. Шелби не доверяет своим глазам, хотя последняя проверка показала, что со зрением у нее полный порядок. И все же девушке кажется, что видит она не очень хорошо. Это чувство возникло в ту ночь, когда Шелби подняла глаза к небу и увидела ангела: это воспоминание до сих пор жжет ее изнутри. Он склонился над ней, накрыв ее своим черным одеянием, и сказал, что она не должна сдаваться. Девушка вся дрожала, душа ее в любой миг готова была вырваться из груди наружу, как струя воздуха, но ангел оставил ее на земле. Чтобы понять, насколько все это напоминает безумие, ей не нужен был психотерапевт. В клинике для душевнобольных она никому об этом не рассказала, даже когда ее спросили прямо: *«Ты веришь в демонов и ангелов? Видишь то, чего здесь нет?»*

Зачем ангелу спасать ее, такую никчемную? А Хелен, которая несравненно лучше ее, отчаянно нуждается в помощи. И все же теперь каждый раз, когда Шелби видит человека в темной одежде, она гадает, не ангел ли он, и каждый раз ошибается. Она смотрит на прохожих слишком долго, и у них возникает превратное мнение о ней. «Эй, постой!» — кричат ей эти люди, когда она идет вдоль трассы или Главной улицы.

Наверно, она выглядит отчаявшейся, и им кажется, что Шелби легко командовать. «Пойдем, сестренка, дорогуша, малышка!» Если такое случается, она ускоряет шаг. Шелби знает разницу между демоном и ангелом: она отличит их друг от друга даже в темноте. Шелби поняла это еще в больнице, а возвращаться туда она не собирается.

Иногда ночью она выходит погулять и слышит, как мать зовет ее. В два или три часа ночи Сью проезжает на своей машине по городу, разыскивая дочь. Мать останавливает автомобиль, выходит из него и зовет Шелби, но та ныряет в кусты и не отзывается.

Она просто недостойна материнской любви. Шелби теперь спит большую часть времени, видя сны о прошлом, когда она ни о чем не думала, весь мир был голубым и сияющим, а земной шар не замысловатее рождественского шарика. Шелби поставили диагноз — глубокая депрессия. Помимо этого — чувство мучительного беспокойства, синдром вины выжившего и посттравматический стресс. Она находилась в реанимации всего один день после аварии, но вскоре попала в лечебницу для душевнобольных на целых три месяца.

Шелби перестала говорить, отказывалась принимать пищу. И вот однажды она оказалась